

- ¹¹ Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 25; Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. 1955. Т. 16. С. 171.
- ¹² Бутанаев В.Я. Национальные блюда хакасов. Абакан, 1994. С. 2.
- ¹³ Сообщение Булгановой Прасковьи 1913 г. рождения, сеок пурут, аал Балганов, Аскизский р-н.
- ¹⁴ Алексеев Н.А. Указ. раб. С. 70; Галданова Г.Р. Указ. раб. С. 23; Максимов С.В. Крестная сила. Мерово, 1991. С. 300; Гладышевский А. Культ огня (из истории шаманизма в Хакасии) // Живая старина. Абакан, 1995. С. 66–67.
- ¹⁵ Сообщение Саможековой М.Я. 1915 г. рождения, сеок ажыг, аал Агаскыр.
- ¹⁶ Чирим тамырлары. Абакан, 1982. С. 61.
- ¹⁷ Сообщение Кулгашевой Обдо. 1895 г. рождения, сеок ах хасха, аал Окунев.
- ¹⁸ Народная медицина Хакаско-Минусинского края. Абакан, 1995. С. 16.
- ¹⁹ Там же. С. 4.
- ²⁰ Сообщение Тугужековой М.П. 1901 г. рождения, сеок ах хасха, аал Сапогов, Усть-Абаканский р-н.
- ²¹ Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. С. 61.
- ²² Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 212.
- ²³ Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 188.
- ²⁴ Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 129.
- ²⁵ Значительное число проявлений в религиозной жизни хакасов позволяет говорить о существовании у них относительно целостного комплекса представлений, который условно можно определить как «урханнизм». Подробнее см.: Бутанаев В.Я. Национальная религия хакасов и формирование личности // Таиса. 1994. № 4. С. 54; *его же*. История возникновения и развития бурханистских культов среди хакасов // Тез. докл. Т. II. Уфа, 1997. С. 103.
- ²⁶ Сообщение Тугужековой М.П., Кулгашевой Обдо и др.
- ²⁷ Катанов Н.Ф. Указ. раб. С. 594.
- ²⁸ Яковлев Е.К. Этнографический обзор долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 106.
- ²⁹ Иванов С.В. Указ. раб. С. 167–170.
- ³⁰ Бутанаев В.Я. Почитание тесей у хакасов. С. 98.
- ³¹ Катанов Н.Ф. Указ. раб. С. 594.
- ³² Записано со слов Кулгашевой Обдо.

Ya. B u t a n a e v. Khakas Fire Cult

The fire worship is one of the most important cults in Khakas ritual culture. Idolizing fire elements Khakas call it other of fire. As distinct from spirits-masters of mountains, rivers and other natural phenomenon. The fire-mistress is one of the supreme deities. Its image is close to the image of life giving dodders Umay. Appeared in extreme antiquity fire cult in many reflects determines Khakas national religion specificity.

© 1998 г., ЭО, № 3

Е.Ф. Фурсова

СЕМИЦКО-ТРОИЦКИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПРИОБЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – 30-х ГОДОВ XX в.

Семицко-троицкие обычаи и обряды, бытовавшие в Новосибирском Приобье, рождали сложный комплекс традиционных верований различных этнокультурных групп восточных славян, мигрировавших сюда в XVII – начале XX в. Нами исследовались группы старожилов и переселенцев второй половины XIX – начала XX в. из разных регионов Европейской России. В силу причин, специфических для каждой

конкретной группы, степень сохранности составных компонентов троицкого праздника была различной. В составе населения изучаемого региона преобладали русские, украинцы и белорусы, а поскольку процент коренных народов был очень незначительным, влияние неславянских традиций не ощущалось¹.

Этнографические работы нашего и прошлого веков показывают, что многие вопросы, связанные с семантикой семицко-троицких обычаев и обрядов, достаточно дискуссионны². Это касается интерпретации троицкой фитолатрии и тесно переплетающегося с ней культа предков, роли и значимости обрядов кумления, завивания и бросания венков, ряжения, активизации «нечистой силы» русалок и запретов на купание. Более того, на наш взгляд, пока нет и достаточно цельного осмысления троицкого комплекса с точки зрения его функциональной направленности, а следовательно, затруднено решение связанных с этим мировоззренческих проблем. Труды, основанные на фольклорных и письменных источниках, нуждаются в подтверждении этнографическими реалиями, сохранившимися к нашему времени³. Новые полевые источники предоставляют нам возможность глубже вникнуть в смысл обрядовых действий, поскольку отдельные элементы троицкого праздника бытуют в селах и сегодня и еще живы свидетели исчезнувших традиций⁴. Отметим также, что в ходе экспедиционных работ получены данные, неизвестные или мало известные по материалам Европейской России и Сибири.

Цикл семицко-троицких обычаев и обрядов, общая продолжительность которого на исследуемой территории во второй половине XIX – 30-е годы XX в. составляла примерно полторы недели (вместе с троицкой [русальной] неделей, следующей за Троицей), включал в хронологической последовательности: 1) завивание венков на четверг-Семик и ряжение; 2) поминовение предков; 3) установку берез; 4) ломание березовых венков, сбор трав и купание; 5) празднование святой Троицы (Пятидесятницы); 6) бросание березы и венков в воду, гадания; 7) кумление; 8) гуляния и игры; 9) запреты троицкой (русальной) недели. Действия, указанные в первых четырех пунктах, совершались в период, предшествующий дню св. Троицы, упомянутые в шестом и седьмом – в день св. Троицы, названные в восьмом пункте – во все дни праздника, а в девятом – после него.

В среде сибирских крестьян празднование Троицы было «расписано» по дням. В четверг-Семик «завивали» венки, в субботу (или воскресенье) поминали «родителей». В понедельник троицкой недели, называвшийся Духовым днем (у части переселенцев с Украины он приходился на вторник, когда одухотворенная Творцом Земля *пребывает в именинницах*, запрещалось заниматься сельскохозяйственными работами⁵. У сибиряков-«чалдонов» б. Чаусской вол. троицкий вторник был женским праздником. Однако в других этнокультурных группах старообрядческого и нестарообрядческого вероисповедания («курганов», вятских переселенцев и пр.) этот вторник считался *именинным днем Воды*, когда запрещались полив и купание. В воскресенье, следовавшее за троицкой неделей, отмечалось «яичное заговенье», названное так по ритуальному блюду «заговения» на Петровский пост.

1. Завивание венков на четверг-Семик и ряжение. По нашим материалам, наименование четверга Семиком, т.е. седьмым четвергом по Пасхе, сохранилось далеко не везде. Упоминание о нем довольно часто можно теперь услышать лишь в наиболее изолированных районах Васюганских болот (Кыштовский, Северный), в части Куйбышевского, Венгеровского р-нов (здесь и далее – Новосибирской обл.), где наряду со старожилами проживали выходцы из Белоруссии. Однако в этот день даже там, где название Семик не сохранилось, современные информаторы, по их словам, в молодости ходили по березникам загигать березовые ветки в форме кольца-венка (варианты: надламывать или заплетать «косичкой»). У украинских и белорусских переселенцев это действие называлось «завивать брезу». Девушки как бы задавали дереву вопросы о себе: буду ли жива, выйду ли замуж до следующей Троицы? В перечень «загадок» включались и любые другие прогнозы. Выводы делались в зависимости от того, засохнет или сохранит свежесть ветка: засохшая сулила смерть

или неосуществление желания, зеленая, наоборот, давала надежду на его исполнение. У многочисленной группы переселенцев из Стародубского у. Черниговской губ. «завивать» березы было принято намного раньше, примерно за две недели до Троицы: «Ходили завивать венки на березах: закручиваешь и завязываешь. Вьешь как венчик прутики и кругом завязываешь прутиком же. Потом пойдешь недели через две. Если веночки эти не завяли – долгая жизнь будет, завяли – нет. С нами ходила девушка, и у нее веночек завял. Она тот же год померла...» (В.Ф. Карпенко).

После Семика и завивания березок молодежь начинала рядиться в старую, вышедшую из употребления одежду, надевать маски⁶. Еще в 30–40-х годах XX в. можно было увидеть ряженных, среди которых были популярны женские образы – «косматые цыганки», «нищенки-попрошайки». Ряженные ходили по избам своих односельчан, шутили, просили под окнами милостыню: «Подайте что-либо моему цыганенку на пропитание!». В задачи «мошкоровщиков» входил сбор подаяния в виде яиц, которые старательно накапливались к троицкому застолью (см.: Кумленин). Ряженье и соби́рание угощения продолжались до самого Воскресенья, т.е. Троицы.

2. Помино́вание предков. День помино́вания семейных предков, которых называли обобщенно «родителями», точно не был обозначен. Поминали как в субботу накануне Троицы, так и в саму Троицу. В ряде сел с русским старожильческим населением поминальным был Духов день⁷. В изучаемое время в большинстве этнокультурных групп всех умерших поминали на троицкую субботу. Кое-где в белорусских и украинских семьях, а также у старообрядцев-«курганов» б. Тарсьминской вол. в этот день особо поминали людей, умерших неестественной смертью, – утопленников, удушенных, которых раньше хоронили на отдельных кладбищах («Утопленникам, удушенникам только в троицкую субботу святой день!»)⁸.

Среди пожилых людей и сегодня можно услышать соображения о том, что «родители» в родительский день «радуются» встрече с родственниками и нельзя невниманием омрачить их праздник: «Родители ждут не дождут Троицы». Проявлением невнимания считалось и выполнение хозяйственных работ, включая выгребание золы (души родителей могли «обжечься»), шитье иглой (могли «уколоться»), резание ножом (могли «порезаться») и пр. Запрещались всякие виды женских работ, как то: прядение, вязание, тканье, уборка. Об увлечении дочерью домашними делами и забвении умершего отца в родительский день поется в песне переселенцев из Белоруссии: «За речкою, за быстрою мой таточка пьет...»⁹.

Однако нам встречался и более дифференцированный подход к подобным запретам. Жесткое ограничение хозяйственной деятельности касалось лишь тех, у кого родителей уже не было в живых; те же, кто еще не осиротел, могли в эти дни работать.

Для троицких поминок готовилась обычная поминальная еда: блины, яйца, мед, калачи (кутья встречалась не везде). Яйца красили так же, как на Пасху, но не только луковой шелухой, а еще и березовым отваром. Повсеместно был распространен обычай носить еду на кладбище, где, прочитав молитвы об упокоении души, трапезничали. У старообрядцев-«курганов» (выходцев из районов Среднего Поволжья) накануне Троицы готовили яичницу. Часть поминальной пищи оставлялась на могилах, так как, по поверьям, «родители» тоже принимали участие в коллективной трапезе. «На могилки девушки несли венки, а у кого не было, то и женщины носили», – рассказывала «коренная» сибирячка из с. Рогали Ордынского р-на А.П. Шалеева (1910 г.р.). До сего дня в сельской местности сохранилась традиция приносить умершим не только еду, но и основные атрибуты праздника Троицы: березовые ветки втыкают в могильные холмы, а березовые венки вешают на погребальные кресты¹⁰. Многие приносят букетики стародубок, медунок и пр. (в большей степени это касается южнорусских переселенцев).

«Поминание родителей» включало также раздачу милостыни. Требовалось подать по крайней мере трем людям, чтобы эти дары оказались «милостынькой по всем

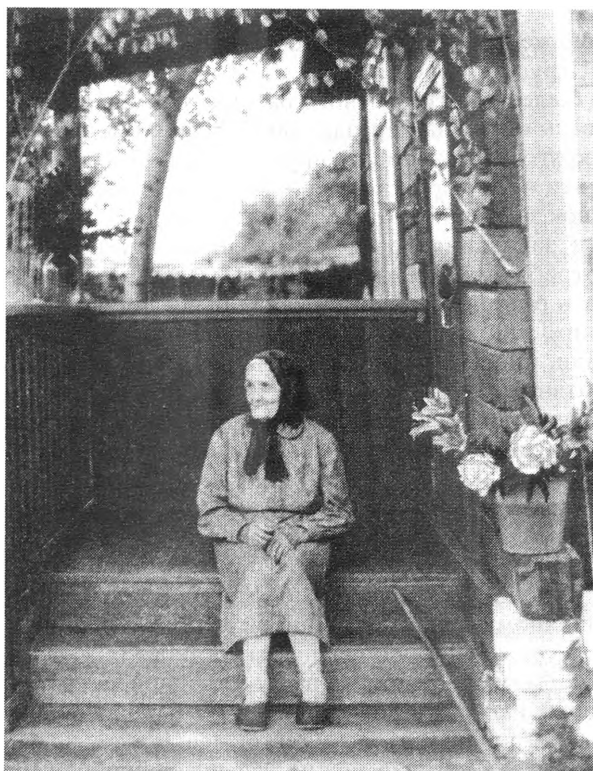

Рис. 1. Украшение березовыми ветками и цветами крыльца дома (с. Сушиха Ордынского р-на). Фото автора. 1994 г.

родителям». Особенно угодным Богу считалось угощение детей (не наделение их деньгами!).

3. Установка берез. В Приобье и сегодня можно услышать от местных селян применение к березе эпитета «божественная». Белорусы в Васюганье, как и на своей прародине, зовут троицкие березы «маем». Не было ни одного населенного пункта, около которого не росли бы березовые рощи. Если при основании поселков позднейшими переселенцами рядом не оказывалось березняков, то березы высаживались специально.

Как и во многих районах России, приобские крестьяне накануне троицких праздников рубили в этих рощах березы и устанавливали их около ворот, крылец, хозяйственных построек, под окнами. «Май под окна ставили, у ворот, в ограде везде... В доме небольшие веточки...», – вспоминала П.Ф. Клинцова, родители которой приехали в Сибирь из Белоруссии в начале века. Заметим, что других деревьев, кроме березы, на Троицу не заготавливали. Особо негативное отношение сложилось к осине, «проклятому» дереву («ветру никакого нет, а лист шелелится»).

Количество срубленных берез, по-видимому, большого значения не имело, так как на этот счет встречаются совершенно различные сведения. Например, у сибиряков-«чалдонов» из д. Пичуги б. Ордынской вол. «в землю вкапывали восемь большущих берез – больше избы...». Пореформенные переселенцы из Европейской России втыкали березовые ветки в рамы окон, а березовые веники укладывали над входными и внутренними дверями; в виде букетов ставили их на столы и на божничку. В семьях, где живут пожилые люди, эти обычаи можно наблюдать и сегодня (рис. 1, 2). Однако информаторы затрудняются ответить на вопрос, с какой целью размещаются деревья в домах. Обычными ответами можно считать: «Не нами дадено – не нами и

Рис. 2. Установка берез во дворе дома (с. Сушиха Ордынского р-на). Фото автора. 1994 г.

попрется!»; «Так по закону делали старые люди и мы делаем!». Объясняют эти обычаи и эстетическими потребностями.

Старожильческие селения, где палисадники были мало распространены, превращались, таким образом, в «цветущие сады». Представители различных этнокультурных групп до сих пор помнят об обрядовом украшении березок полевыми и лесными цветами – лазоревыми, или богомолками (так называли огоньки), медунками, саранками, а также цветными лентами и бумажными цветами: «С девчонками срубим березку и снарядим святками, огонька там желтая, стародубка. Туда натychим, натychим!»¹¹.

Троицкие березы стояли по традиции три дня, как говорила потомок могилевских переселенцев Д.Ф. Ковалева (1910 г.р.): «Троица у хатах три дня». Однако зафиксированы сообщения и о более длительных сроках хранения берез – в течение одной-двух недель. К увядшим деревцам относились по-особому: их не позволялось выбрасывать как отслуживший и ненужный хлам. Троицкие березы сжигали в печи, а остальную зелень и цветы разбрасывали по огороду или скармливали скоту. У васюганских белорусов «май» топили в рске, чтобы, как объясняют потомки пинчуков, не было засух¹².

4. Ломание березовых веников, сбор трав и купание. Представление о березах как источнике витальных сил проявлялось и в обычае париться накануне Троицы (т.е. в субботу) свежим веником. До этого дня ходили в баню только со старыми заготовками. При обламывании березовых веток читались заговоры. От жительницы с. Усть-Луковка Ордынского р-на мы услышали такую «молитву»: «Господи, благослови, сохрани, нас, Господи, на целый год от этой Троицы до другой Троицы. Как листики свежие и хорошие, чтобы и мы были свежими и хорошими...» Троицкие веники могли «приговариваться» пожилыми женщинами и на всю семью – отдельно для каждого ее члена: париться всем одним и тем же веником считалось недопустимым (рис. 3).

В тех селах, где старожилы испытывали значительное влияние севернорусских переселенцев (вологодских), среди девушек бытовал обычай при сборе веников плести «березовые косы». Сплетенными в виде кос ветками селянки похлопывали себя по спине, говоря: «Чтобы вог така была бы коса и у меня». На Троицу три таких зеленых «косы» приносили в избу и укладывали на стол в виде шестиконечного креста¹³.

Рис. 3. Собираение троицких венчиков и цветов (с. Усть-Луковка Ордынского р-на). Фото автора. 1995 г.

Кроме обычаев, связанных с березами, в семьях с южнорусскими и украинскими корнями утром на Троицу было принято собирать травы, цветы. Букетики зелени несли на кладбище, ими же застилали полы изб и хозяйственных построек («А бы зелень была!»). В памяти людей сохранились веселые припевки: «Скоро Троица – земля травой покроется!» или «Троица – зеленый сад откроется!». Среди сибирских украинцев до сих пор бытует убеждение, что в эти дни все должны ходить по траве. Даже старожилы, которые могли и не устилать дома зеленью, все же украшали внутренние помещения (горницы) букетиками цветов. Среди троицких цветов было много желтых, например одуванчики, лазоревые. Вплетали в букеты также самсончики, медуницы, богородскую траву (чабрец), незабудки, кукушкины слезки. Многие цветы и травы имеют местные названия, поэтому их трудно идентифицировать с принятыми в современной лексике: «Костер-траву бросали на пол. Шкенды, кудряшки, саранки, медунки, руськи... разные святые»¹⁴. Наряду с березовыми венчиками запаривали троицкие травы: богородскую траву, ромашку, листья клубники – и этим отваром ополаскивали голову, чтобы «не болела».

К празднику Троицы была приурочена высадка ряда сельскохозяйственных культур. Наиболее благоприятными днями для этого считались постные дни накануне праздника – среда и пятница. Некоторые информаторы до сих пор убеждены, что капусте, брюкве, огурцам таким образом обеспечивается урожайность и защита от вредителей, болезней. «Огурцы садили перед Троицей. И бывали морозы, и никакой пленкой не закрывали. Родились до самого сентября. На седьмой неделе от Пасхи высаживали капусту. А вот после, на восьмой, нельзя, червь съест»¹⁵.

5. Празднование святой Троицы (Пятидесятницы). Праздник Троицы, как и повсюду в России, был приурочен ко дню Пятидесятницы, т.е. пятидесятому дню от Пасхи, когда Святой дух, по преданию, сошел на землю. В настоящее время еще встречается много пожилых селян, которые мало вникают в христианское значение Троицы, трактуя три праздничных дня как свидетельство того, что «Бог Троицу любит». Поскольку Троица праздновалась три дня, то бытовала еще и такая поговорка: «Троица – три дня стоится». В ночь под Троицу, т.е. с субботы на воскресенье, кое-где в чалдонских семьях бытовал обычай в течение всей ночи жечь свечу (например, с. Усть-Луковка Ордынской вол.).

В семьях, где были сильны православные традиции, а это в первую очередь переселенцы пореформенного периода, в Троицу обязательно посещали храм. Если в деревне церкви не было, то ходили в ближайšie села, чаще пешком. Такое паломничество считалось более угодным Богу, нежели езда в «ходке» (повозке). «Как маков цвет горела деревня», когда селяне шли к обедне. Сравнение «маков цвет» употреблялось информаторами не случайно – ведь бытовал обычай надевать в этот праздник одежду ярких красновато-оранжевых расцветок. В руках прихожане несли букетики троицкой зелени и домой возвращались с освященными в церкви цветами. В семьях как православного, так и «древлеправославного» вероисповедания по окончанию молений и возвращению молившихся домой начиналось праздничное застолье.

Если Троица совпадала с престольным праздником, то во дворах накрывали большие столы и ставили на них угощения: блины, пельмени, холодец, окрошку, разную выпечку (пироги, шаньги, калачи) и пр. Троицкая трапеза белорусских (могилевских) переселенцев начиналась с яичницы, которую готовили с вечера и держали «до времени» теплой в печи¹⁶. Готовилось много кваса, пива. Первый тост провозглашался за здоровье и благополучие хозяев. За обильными обедами следовали шумные «гулянки»: пели, плясали под гармонь, балалайку. Кроме того, праздник сопровождался спортивными состязаниями между родными, двоюродными и троюродными братьями, дядьями и деверями, шуринами и свояками. Устраивались соревнования в беге, борьбе. Для детей сооружали качели, карусели, делали балаганы.

6. Бросание березы, венков в воду, гадания. Сибирские девушки, как и их ровесницы в Европейской России, ходили в березовые рощи срывать ветки и делать из них венки. Причем брались именно те ветки, которые «завивали» в Семик. В эти венки вплетали разнообразные, чаще желтые, цветы и надевали их на головы. У некоторых старожильческих групп (например, в Кыштовском р-не) не было принято вплетать цветы. В венках девушки гуляли по лесу, водили хороводы и пели песни: «Как на этой на долинке, на широкой луговинке...», «Ой, вы кумушки-голубушки, подружки мои...». К компании могли присоединиться и юноши. Однако в какой-то момент часть девушек, желавших угадать судьбу, удалялась из общего круга и шла к реке бросать венки. Гадания чаще производились в тайне от молодых людей, но так было не всюду. Коренные сибирячки Кыштовского р-на гадали вместе с юношами, завивая сразу по два венок – себе и своему избраннику. Перед бросанием в воду эти заготовки ломали. Потомки южнорусских, прежде всего, курских, переселенцев перед тем как гадать исполняли обряд «похорон кукушки» (см. ниже).

Гадания сводились к наблюдению за венком и интерпретации характера его движения в воде. Если венок плыл по течению ровно – это означало спокойную жизнь в новом году («Плывет, как кто его там доржит»); плывущий под водой – предупреждал о болезни; утонувший – предвещал гибель близких или самого гадальщика. Практиковались и более детальные объяснения: покачивало венок на волнах – к бурной жизни, крутым поворотам в судьбе; распался на части – к скорой разлуке с близким человеком, прибывался к определенному месту – с той стороны ждать сватов. Унесенный далеко венок был знаком замужества в отдалении от дома, задержавшийся рядом – вблизи. Кыштовские сибирячки смотрели также, вместе ли плывут венки и чей – юноши или девушки – быстрее утонет. При бросании венков произносили молитвенные слова: «Сохрани нас, Господь, и наставь на путь справедливый!» или «Господи, помилуй» (три раза). Категорически запрещалось гадать на венках девушкам из старообрядческих семей. Но несмотря на строгие предостережения родителей и вопреки их воле, они также могли принимать участие в общих развлечениях.

7. Кумление. В троицком цикле календарных праздников сибиряков-старожилов обряд кумления представлен слабо. Сообщения о нем на сегодняшний день либо весьма лаконичны, либо отсутствуют совсем. Значительно лучше и дольше традиция кумления сохранялась у сибирячек Кыштовского р-на. Действие совершалось в одном из домов, после гаданий на венках. К этому времени уже успевали насобирать яиц, из

которых жарили яичницу. Приглашенные сюда юноши брали на себя обязанность организовать пространство избы, т.е. устанавливали три-четыре стола и множество скамеек. После коллективной трапезы, называвшейся «обедом», начиналось главное веселье – танцы, песни, сопровождавшиеся игрой на гармошках, балалайках. Потомки севернорусских переселенцев (Вологодская губ.) вспоминали, что кумление между девушками проходило в березнике перед расстеленной скатертью, где главным блюдом была яичница. В их молодости этот обряд заключался в пожатии друг другу правых рук, «как при здорованье», и целовании через венки. При этом было принято обмениваться подарками, обычно платками, которые носили три дня, что, по-видимому, закрепляло кумовство¹⁷. В селах, где ощущалось влияние южных русских (Курская и другие губ.), кумление девушек являлось составной частью обряда «ломания кукушки» с последующим «помином кукушки». Например, в с. Верх-Ирмень Ордынского р-на¹⁸ в праздник Вознесения рубили и наряжали березку, называвшуюся «кукушкой». Украшенное деревце устанавливали в передний угол избы, где жила одна из девушек-подружек. В Троицу его «хоронили» – несли к реке и топили. Только после этого бросали в воду венки, гадали. А затем, по словам информаторов, в березнике расстилали скатерть: «Садимся, поминаем эту кукушку, кто че принесет. Вареными яйцами, блинами, пирожками, шаньгами, калачами. И сидим прощаемся...» «Поминки» постепенно перетекали в обряд кумления: «...кумилась парами. Песни пели всякие, какие нравились... парни были тут же, но с ними не кумилась. С покумленной подружкой потом кумами звались».

Среди выходцев из Белоруссии живы пожилые женщины, «кумушки-голубушки», покумленные в девичестве. Обрядовое действо сибирских белорусов также включало целование и обмен платками¹⁹. В некоторых местах левобережья Оби (с. Сушиха, Усть-Луковка, Роголево б. Ордынской вол.) кумление дополнялось изготовлением «кукушки» из травы. Игрушечную кукушку сажали на ветку березы и спрашивали: «Кукушка, кукушка, сколь я проживу?» Если при этом начинала куковать живая кукушка, то девушка считала, сколько раз она прокукует²⁰. Еще и сейчас пожилые люди помнят, как в некоторых селах к Троице делали из тряпок «куклы», которые также звались «кукушками». Кукла была простейшего вида с головкой и идущей прямо от головки широкой юбкой, без рук и ног. Юбка в этом случае шилась из льна и была белого цвета²¹.

Однако среди исследуемых этнокультурных групп встречались и другие традиции кумления. В сибирских селах, где было ощутимо влияние брянских поселщиков, для исполнения обряда девушки выбирали место, расположенное близко от ржаного поля. Здесь они за накрытой скатертью ели яичницу, вели беседы, пели песни. Выходцы из Черниговской губ. и их потомки в первом поколении кумились не на Троицу, а в Петров день: кумившиеся девушки и женщины целовались через платочки. Наряжать или топить березку, гадать на венках как у брянских, так и у черниговских выходцев не было принято. Последнее, возможно, было связано с влиянием старообрядчества еще на их прародине, где, как известно, существовали крупные центры «хранителей благочестия», категорически запрещающих любое нарушение канонов христианских обрядов.

8. Гуляния и игры. После праздничных трапез дома и посещения кладбища (в тех группах населения, где поминки совершались на Троицу) сибиряки, разделившись на возрастные группы, проводили время по интересам. «Старые, молодые – все сидят своими партиями», – вспоминала жительница с. Лебедево Тогучинского р-на (1913 г.р.). Пожилые женщины общались с приехавшими гостями и родней где-нибудь на «завалинке» или при посещении других семей. В б. Чаусской вол. замужние молодые женщины из старожильской (в том числе чалдонской) среды еще в первое десятилетие XX в. водили хороводы («круга») (рис. 4). Во вторник Троицы они шли вдоль главной улицы села, держась руками друг за друга через плечо (по типу «плетень»), и пели: «Во лугах, во зеленых садах...», «Посеяли-то девки лен...». Вспоминают, что водили «круга» против солнца, двигаясь по спирали. С собой в хоровод брали малых

Рис. 4. Хороводы девушек-сибирячек. Фото М.А. Круковского. 1911–1913 гг.

детей. Мужчины на Троицу играли в подвижные игры: «бить-бежать», «мечик», боролись²².

В большей мере играми и гуляниями был заполнен досуг неженатой молодежи. Отчасти это объясняется тем, что за Троицей следовал Петровский пост, а за Петровым днем начинались сенокосные работы и до самого зазимья отдыха не предвиделось. К праздникам юноши старались присмотреть себе девушку, с которой и проводили время. Тот же, кто еще не успел это сделать, мог познакомиться с девушкой во время троицких игр и гуляний. Почти все игры строились по принципу «парности», т.е. участвовать в них допускалось только вдвоем. Забавы, сопряженные с активными движениями, были рассчитаны на знакомство и сближение молодежи обоих полов. Имелась возможность понаблюдать за характером, темпераментом своих партнеров. Наконец, в ряде игр можно было иносказательно, в игровой форме выразить симпатии к тому или иному человеку. В троицких гуляниях и играх участвовала даже молодежь из старообрядческих семей, но, по нашим наблюдениям, их поведение все же носило сдержанный характер.

Юноши и девушки собирались на гуляния в березовых рощах, а также в заранее оговоренных местах (по-чалдонски, это местечко называлось «мангазея», «точок», по-русски – «луг[х]»). Гуляния включали вождение хороводов, игры. В березниках устраивали качели прямо на березах (например, брянские переселенцы)²³. Под троицкую ночь кое-где в старожильческих селах молодежь разжигала костры. Делали это в березнике, подальше от населенных пунктов²⁴. Неписанный закон требовал от парней беречь честь девушек. Молодых людей, отличавшихся сквернословием, нескромным поведением, в игры не принимали.

Состав игр в троицкие праздники был примерно тот же, что и на Святках: «Сосед соседку любит?», «Круга», «Разлука», «У[В]давцом», «Мечик», «Заинька», «Прятанки», «Бабки», «Догоняшки», «Один лишний», «Пеньки», «Попа гоняла» и т.д. В среде вологодских, тамбовских, могилевских переселенцев особенно любимы были игры «Бить-бежать», «Номера».

Опишем некоторые из этих забав молодежи, с тем чтобы показать в целом их характер. Очень популярной на Троицу считалась игра «Сосед соседку любит?», или, по-тамбовски, «В шлепанку». Суть ее сводилась к шутивому выбору «любимой соседки». В начале игры парни размещались где-нибудь под березками и сажали к себе на колени девушек. Один из них, «наводящий порядок», ходил с кнутом в руках и спрашивал: «Сосед соседку любит?». Если юноша отвечал «любит», то ведущий шел

дальше; если «нет», то командовал парню: «Простися с этой девкой». И тот должен был поцеловать ее. Далее ведущий то же самое рекомендовал сделать девушке. Если та в смущении отказывалась и пыталась убежать, то в дело шел кнут.

Также всеми любимой была и игра в «Круга». Здесь все участвующие становились парами по кругу, а один, оставшийся без пары, стоял в центре (его «обыгрывали»). Стоявшие в кругу пели «круговые» песни и, по правилам игры, какую «девку ему припоют», ту он и должен поцеловать. На это указывала «припевка» в конце круговых песен «Кого любишь – того поцалуешь», «Зайныка, поцалуй...» и т.д. Поцеловав девушку, «обыгрываемый» становился с ней в пару, а «освободившийся» – в центр круга, и все начиналось сначала.

При игре в «Разлуку» парни становились в один ряд, девушки – напротив в другой. Крайняя с одного конца девушка ударяла кого-либо из стоявших молодых людей и убегала. Вызываемый должен был догнать девушку и вернуть в игру. Случалось, что эти «догоняшки» заканчивались где-нибудь в дальнем уголке леса.

Похожей была игра в «Стенку», известная еще и как «У[В]давцом». Здесь также становились в два ряда, но уже через одного: парень – девушка. Двигаясь быстро между рядами, надо было выбрать «пару» и встать с ней. Оставшийся «вдовцом» вынужден был в свою очередь пробежать между рядами и выбрать «пару» для себя.

9. Запреты троицкой (русальной) недели. Неделя, следовавшая за Троицей, называлась троицкой, или русальной; сибирские белорусы звали ее «граной»²⁵. В силу сложившихся поверий именно к этой неделе были приурочены запреты на купание. Главными причинами запретов обычно называется резко увеличивавшаяся вероятность заболеть или утонуть. Таким образом, несчастные случаи на воде в этот период рассматривались как следствие нарушения «исконных законов». Судя по сообщениям информаторов, в середине XIX в. купальный сезон вообще открывался только со дня Ивана Купалы (заканчивался Ильиним днем). В ряде районов, где старинные традиции сохранились в более полном виде, например на Васюганье, до сих пор живы рассказы о появлении в реках и озерах русалок. Во всех сюжетах русалки проявляли враждебность по отношению к людям, нередко пугали их и увлекали за собой в воду. Особенно опасными считались купания для детей, которым категорически запрещалось это делать. «Про русалок слыхали, что они жили в воде. Их боялись, потому что в воду утащат»²⁶. «Русалками пугали родители, чтобы дети не купались»²⁷. В Северном, Кыштовском, части Венгеровского и Куйбышевского районов избегание водоемов бытует до сегодняшнего дня: «На русальной неделе нельзя купаться. Постоянно люди тонут. Случилось это и нынешним летом (1994. – Е.Ф.). Утонул мальчик»²⁸; «Русалки были и сейчас есть. Русальная неделя в этом месяце, на Купале. Косматые русалки табунами ходят, кривляются. Ловят людей...»²⁹.

Внешне русалки описываются информаторами скорее как страшилища, чем красавицы, и напоминают троицких рожених. Вот что рассказывают о них «непосредственные очевидцы»: «В селе Никольском видели русалок в реке. В полночь, летом. Голова клином – острая, длинные черные волосы. Видна была по грудь. Волосы все закрывали. То поднималась, то опускалась над водой. Хлопали чем-то, то ли хвостом...»³⁰; «Под мостом в реке Иче водились ранее русалки. Один мужчина возвращался домой с работы и каждый раз его русалки поджидали...»³¹.

В среде переселенцев из северо-восточных губерний (Вятской и др.) и проживавших по соседству с ними старожилов воскресенье, следовавшее за Троицей, носило название «яичного заговенья». В этот день девушки готовили яичницу, которой угощали друг друга, водили хороводы-«круга», которые заканчивались лишь на рассвете следующего дня.

* * *

В заключение хотелось бы высказать ряд соображений по поводу функциональной направленности и этапов эволюции троицкой обрядности. Этнографические материалы, собранные в Приобье, где изолированные таежные районы перемежались с

путями передвижения переселенцев, позволили обогатить данные по восточно-славянской Троице. Это тем более ценно, что в изучаемом регионе представлены традиции многих этнокультурных групп Европейской части страны.

Семицко-троицкий цикл праздников отмечался в переходный период от весны к лету, и этим во многом определялась его специфика. Думается, что ранее, до активного воздействия христианства, эти весенние действа были гораздо более протяженными во времени и включали четверг-Семик, русальную (троицкую) неделю, «яичное» заговенье. Ко времени, когда начинали убирать увядшую зелень, проходило почти две недели, т.е. семицко-троицкий цикл длился примерно столько же, сколько новогодние Святки. К концу XIX – началу XX в. под влиянием Церкви размах праздника уже уменьшился: днями отдыха, поминок, увеселений и выхода в березники стали лишь суббота (поминальный день), воскресенье (Троица), понедельник (Земля-именинница) и вторник (Вода-именинница).

Лучше сохранившимся семицко-троицкий комплекс оказался у белорусов (Могилевская, Витебская губ.) и украинцев (Волынская, Черниговская губ.), южнорусских (Тамбовская, Курская, Орловская губ.), отчасти севернорусских (Вологодская губ.) переселенцев, в меньшей степени – у чалдонов, старожилов-не-чалдонов, старообрядческих групп. Старообрядцы, особенно поморского согласия, лучше, чем представители других этнокультурных групп, осведомленные о христианском содержании Троицы, сознательно избегали языческих обрядов. Слабая сохранность троицких праздников у чалдонов, наверно, закономерна, если учесть, что они являются выходцами не только с берегов Дона, но и с севернорусских территорий России, где эти обряды не получили развития³².

На сегодняшний день часть троицких обычаев и обрядов не только жива, но в последние годы даже получила более широкое распространение в связи с усилившейся в средствах массовой информации пропагандой «народного образа жизни» (поминовение умерших в родительскую троицкую субботу, гулянья, коллективные семейные трапезы). Некоторые традиции бытуют в отдельных семьях, где сохранились элементы патриархального уклада (установка берез и украшение жилища березовыми ветками, букетами цветов; разбрасывание по полу трав; запаривание троицких венков и трав; запреты на купание в троицкую неделю и пр.). Троицкие обряды, связанные с заламыванием берез, гаданием на венках, кумлением девушек, оказались безвозвратно утраченными. В полном виде семицко-троицкий комплекс демонстрируется теперь только фольклорно-этнографическими коллективами.

В своем традиционном варианте семицко-троицкий цикл во многом повторял Святки и включал множество переходных обычаев и обрядов, типичных для начала новых календарных периодов, связанных с зимним и летним солнцеворотами. К ним можно отнести гадания и ряжения, сбор даров и совместную трапезу сборщиков, поминовение умерших и украшение березы. По народным верованиям, во время семицко-троицких празднеств, как и в святочные дни, активизировались «обитатели потустороннего мира», которые «материализовались» в различных типах ряженных-«мошкоровщиков». (Термин «шудиканы» по отношению к троицким ряженным не употреблялся, но ряженные русалки во время Святок попадали под это общее название³³). Внешний вид троицких ряженных, среди которых встречались цыганки, нищенки-попрошайки, отличался от новогодних, где преобладали зооморфные маски. К тому же рядились не юноши, как это бывало зимой, а девушки. На наш взгляд, в этих длинноволосых персонажах нетрудно разглядеть более древние типы в виде русалок, которых олицетворяли и воплощениями которых были троицкие ряженные. В существовании тех и других прослеживалась определенная преемственность: до Троицы появлялись и «чудили» ряженные, а после Троицы, по распространенным среди селян поверьям, на свет Божий выходили обитатели водной стихии. С ряженными, которые собирали пожертвования по домам, «настоящих русалок» также роднило принятие жертв в виде затопленных берез, венков, в благодарность за что водные девы давали влагу – дожди (духа березы как бы просили: «Поим тебя – напои

и ты нас!»). Наконец, от тех и других можно было ожидать вредоносных для людей действий: различие заключалось только в том, что от ряженных, по народным представлениям, исходило символическое «зло» в виде подтруниваний, которое легко «снялось» ритуальными подношениями, а от дев вод, если их не задобрить, – настоящее горе.

Ряжение девушек после заламывания, «завивания» берез символизировало их новое состояние: вступление в контакт с духами умерших, и, таким образом, обрядовое перевоплощение. Приобретение «трансформационных свойств» открывало возможности для выяснения судьбы на предстоящий календарный период (до следующей Троицы), отсюда – распространение обычаев гадания.

В отношении «божественного дерева» березы была высказана убедительная, по нашему мнению, гипотеза Л. Нидерле, поддержанная Б.А. Рыбаковым и В.М. Василенко, о соотношенности слов «береза» и «берегиня» и их связи с «оберегом»³⁴. Несомненно, береза в крестьянском сознании ассоциировалась с «чистым» деревом, обладающим апотропеическими свойствами, могучими витальными силами (даже древнерусские названия весенних месяцев этимологически были связаны с березой: ср. «березозол», «березень»). Нам наиболее близка точка зрения А.С. Кайсарова, поддержанная затем рядом ученых (В.К. Соколовой, В. Клиngerом и др.), рассматривающего водных дев в качестве женских божеств, подательниц животельной влаги и, следовательно, побудительниц растительных сил земли³⁵. Ссылаясь на древнерусские источники, А.С. Кайсаров описывал русалок как русских нимф, обладательниц длинных зеленых волос, которые «чрезмерно любили качаться на ветках деревьев». Таким образом, заломив, «завив» березу, девушки как бы вступали в родственные отношения с духом березы-берегини-русалки и олицетворяли последних (необходимым атрибутом ряжения была прическа из длинных волос, иначе – пышная растительность на голове). В честь этого духа (божества) устанавливали березы в домах, собирали березовые букеты (веники), плели березовые венки, косы из веток. Обряд кумления, в котором могла присутствовать «кукушка» – заместитель русалки (вспомним древнерусские изображения русалок в виде человекоптицы), символизировал наряду с вкушением жертвенной еды духовное единение девушек-русалок. Девушки становились духовными сестрами-«кумами», дружба которых была спаяна неземными, переходящими затем в социально-родственные, отношениями. Утопив обрядовое дерево, венки (вернув то, что взяли на время), они порывали связь с духами и снова становились обычными, земными. Наделение русалок демоническими свойствами, появление представлений о единстве их природы с нечистыми силами, с «заложными покойницами», отражает стадияльно поздние поверья, связанные с христианской негативной оценкой всего языческого пантеона. Неслучайно к категории русалок относили и таких «недобрых» девушек, которые в своем земном существовании нарушали традиционные нормы поведения (ослушивались родителей, прели в Благовещение и пр.), о чем писал Ф.Ф. Болонев и с чем нельзя не согласиться³⁶.

У восточных славян, как известно, существуют основные Родительские поминальные дни: накануне зимнего солнцеворота, весеннего равноденствия, в рождественский сочельник, в субботу накануне Масленицы, в первую – третью недели Великого поста. Поскольку больше всего несчастий случалось в летнюю пору, то, по понятным причинам, утонувших и поминали во время предполагаемой «активизации» обитателей водного царства (вспомним, что вторник был посвящен Воде). Совмещение образов русалок и «заложных покойниц» видоизменило внешность, возможно, когда-то представлявших красивыми водных дев. Они стали «видеться», как и положено утопленницам, – косматыми, в тине (добавим: остроголовыми, как и все языческие персонажи, связанные с нечистью). В районах «традиционного обитания» русалок – в южнорусских губерниях России и на Украине – еще долго хранились поверья о них как о молодых и красивых³⁷.

Так в семицко-троицких обрядах переплелись и оказались тесно увязанными языческие и христианские традиции: посещение храма и освящение троицкой зелени,

поклонение одухотворенному дереву и культ умерших, культы земли и вод, очистительно-предохранительные и продуцирующие обряды. Хороводы женщин, спортивные игры-соревнования мужчин и, конечно, игры, танцы, песни молодежи имели продуцирующую и любовно-эротическую направленность, предшествуя, по всей видимости, новому – брачному (купальскому) сезону.

Примечания

- ¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 43.
- ² Зеленин Д.К. Избранные статьи по духовной культуре. 1901–1913 гг. М., 1994. С. 329; Пронн В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 87; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие быта. М., 1983. С. 146, 159.
- ³ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 124–130; Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989. С. 142–143.
- ⁴ Этнографические экспедиции 1986–1995 гг., организованные Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Академии наук, проводились в районах Приобья (Новосибирская обл., часть Томской обл., Алтайский край).
- ⁵ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информатор Шмакова А.С. (1911 г.р.), д. Верх-Ики Маслянинского р-на) сибирячка, старообрядка-«кержачка».
- ⁶ Там же. Информатор Скоробогатова М.Л. (1911 г.р.), родилась в д. Беспаловой Кыштовского р-на, родители – сибиряки-старожилы.
- ⁷ Там же. Информатор Ломиворотова Т.М. (1921 г.р.), д. Старососедова Искитимского р-на, «коренная» сибирячка.
- ⁸ Там же. Информатор Федотова Л.О. (1917 г.р.), с. Новоабышево Тоугчинского р-на, старообрядка-«курганка».
- ⁹ Там же. Информатор Клинцева П.Ф. (1915 г.р.), р.п. Кыштовка Кыштовского р-на, родители приехали из Могилевской губ. в начале XX в.
- ¹⁰ Там же. Информатор Шаляева А.П. (1910 г.р.), с. Рогали Ордынского р-на, «все деды – коренные сибиряки».
- ¹¹ Там же. Информатор Кручинина М.К. (1904 г.р.), д. Зудово Болотнинского р-на, мать приехала из Вятской губ., деды по отцу – калужские.
- ¹² Там же. Информатор Пинчукова А.Ф. (1907 г.р.), с. Останинка Северного р-на, родители приехали из Белоруссии в 1909 г.
- ¹³ Там же. Информатор Паршикова А.С. (1912 г.р.), с. Усть-Луковка Ордынского р-на. Родители по материнской линии приехали из Вологодской губ., по отцовской – из Курской губ. Священное дерево помогало людям не только на «тонком уровне», но и на физическом: березовыми вениками парились, лечили простудные и инфекционные заболевания. Так, например, в с. Коурок Тоугчинского р-на нами записан рецепт исцеления желтухи, в состав которого входили парение в бане трехгодовалым веником и питье отвара березовых листьев.
- ¹⁴ В проживающих по соседству семьях немецкого и голландского происхождения в праздники Троицы ставили в воду букетики роз. Фиалки, лацерны втыкали в тарелку с мокрым песком. На пол бросали траву... «Все пахло, как одеколон!» ПМА. Информатор Талицкая С.П. (1910 г.р.), с. Сушиха Ордынского р-на.
- ¹⁵ Там же. Информатор Гутова Е.В. (1910 г.р.), р.п. Маслянино Маслянинского р-на, старообрядка-«кержачка», родители – из Пензенской губ.
- ¹⁶ Там же. Информатор Ковалева Д.Ф. (1910 г.р.), с. Прямское Черепановского р-на, родители из Могилевской губ.
- ¹⁷ Там же. Информатор Антипина Е.В. (1916 г.р.), с. Верх-Красноярка Северного р-на, родители приехали из России.
- ¹⁸ Там же. Информатор Бирюкова А.А. (1897 г.р.), с. Верх-Ирмень Ордынского р-на, маленькой привезена из Курской губ.
- ¹⁹ Там же. Информатор Клинцева П.Ф. (см. примеч. 9).
- ²⁰ Там же. Информатор Ромадинова С.М. (1900 г.р.), с. Сушиха Ордынского р-на, родители из Вологодской губ.
- ²¹ Там же. Информатор Васильева Е.Д. (1905 г.р.), с. Рогалево Ордынского р-на, родители из Тамбовской губ., «тамбасы».
- ²² Там же. Информатор Попилин А.С. (1913 г.р.), с. Новошмаково Черепановского р-на, родители из Рязанской губ.
- ²³ Там же. Информатор Гриц А.В. (1918 г.р.), с. Верх-Красноярка Северного р-на, родители из Брянской губ.

- ²⁴ Там же. Информатор Паршикова А.С. (см. примеч. 13).
- ²⁵ Кое-где в селах «коренных» сибиряков русальная неделя была приурочена к празднику Ивана Купалы (например, в Северном р-не).
- ²⁶ Там же. Информатор Ефимков И.В. (1910 г.р.), с. Останника Северного р-на, родители приехали из Белоруссии.
- ²⁷ Там же. Информатор Антипина Е.В. (см. примеч. 17).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Информатор Антипина Т.А. (1920 г.р.), с. Верх-Красноярка Северного р-на, «коренная» сибирячка православного вероисповедания.
- ³⁰ Там же. Информатор Данченко А.П. (1921 г.р.), с. Усть-Ургюлька Северного р-на, мать – «коренная» сибирячка, родители отца приехали из Орловской губ.
- ³¹ Там же.
- ³² Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 35.
- ³³ Фурсова Е.Ф. Шуликаны и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 73.
- ³⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 272–273; Рыбаков Б.А. Древние элементы в русском народном творчестве (Женское божество и всадники) // Сов. этнография. 1948. № 1. С. 105; Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву. XVIII–XX в. М., 1960. С. 51.
- ³⁵ Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 60; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 221–222; Klinger W. Wschodnio-Europejskie rusalki i pokrewne postaci demonologii ludowej a tradycja grecko-rzymska // Prace etnologiczne. T. 2. Lublin; Kraków, 1949. S. 13–39.
- ³⁶ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 146.
- ³⁷ Дынин В.И. Некоторые особенности мифологического образа русалки у восточных славян // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 119.

E.F. F u r s o v a. Ob Area East Slavs Semitsko-Troitske Customs and Ceremonies (the Second Half of 19th–30th yy. of 20th cc.)

There were field ethnographic materials in the basis of this article. They have been collected in the Ob area villages during the last ten years. The investigation of Russian, Ukraine and Byelorussian Semitsko-Troitskie holidays lets the author express several things about the functional direction and the evolution stages of spring calendar cycle.

© 1998 г., ЭО, № 3

Л.Н. П у ш к а р е в

ЛУБОК КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА РУССКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА

Понимая под менталитетом совокупность чувств, впечатлений, образов, представлений и т.д. об окружающем мире как отдельного человека, так и любого коллектива (кружка, общества, слоя, сословия, класса и пр.)¹, следует прежде всего отметить, что источником для его изучения может быть **все**, созданное мыслящим человеком и сохранившее в себе следы его духовной деятельности². Оставляя в стороне анализ всех типов, родов и видов исторических источников, остановимся на этнографических, исключительно важных для изучения менталитета. Под ними обычно подразумеваются явления личной и общественной жизни, унаследованные от прошедших эпох, сохраненные памятью и сознанием, продолжающие активно жить в настоящем времени в виде своеобразных пережитков. Эти «остаточные явления прошлого» (традиции, обряды, обычаи, верования, нормы и стереотипы поведения, представления, вкусы) отмечались еще философами Древней Греции как источники, заслуживающие